ВНЕ КОНКУРСА

Выпуск

Текст: Юрий Тимонин
Иллюстрация: Баженова

Фанфары! Гром! Летящие шапки в воздухе! Обиженные возгласы прохожих, в которых попал фонтан шампанского! Это — выпускная церемония!

Тимофей радовался ей больше, чем кто-либо ещё. Вот они — четыре года обучения в **НЕВЕРОЯТНОМ ИНСТИТУТЕ ЧУДЕСНОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ТЕРЯЮЩЕМ АККРЕДИТАЦИЮ — НИЧО ТАК** для краткости. Четыре года борьбы за место в аудитории, погонь за баллами, погонь за преподавателями, чтобы получить эти баллы, четыре года работы курьером продуктов **ЯНКЕКС** и кассиром «Вкус Волчка», четыре года борьбы за жизнь в общежитии с тараканами — наконец всё это подошло к концу. Тимофей оглядел свою чёрную мантию, идеальную ромбовидную шляпу и подкинул её вверх. Она приземлилась ему на руки так же мягко, как свежая зарплата. Осталось отстоять этот час на улице, где их будут награждать, а потом вперёд — в новую жизнь!

К нему подошёл его друг Карим — с ним они пережили многое, начиная от подготовки к первой сессии, взлома компьютерной системы, чтобы получить ответы, бегства от отряда ФБР и разгневанного ректора, который желал узнать, как его пляжные фотографии из папки «АНАПА 2007» стали известны всему интернету. Карим также был неплохим игроком в нарды и частенько выбивал себе баллы именно этим.

— Ну как я выгляжу? — сказал он, показывая тёмно-синюю мантию и пакет «Вкус Волчка» на голове.
— **НИЧО ТАК**, — парировал Тимофей. — А ты чего брюхо набил перед выступлением ректора? Мы потом на пир идём вообще-то.
— Да ну этот пир. У всех родственники придут, а там алкоголь, девочки, конфеты. Как придут мои дед с батей, напьются, подерутся и всем праздник испортят. Каждый год одно и то же. Меня даже на школьный выпускной из-за этого не пустили. Вот и решил лучше фастфуда поесть. Как говорится, а мне американские бургеры дороже универа.
— Хе, ну тут базара ноль.
— Не тушуйся, всё нормально будет с твоим арбузным бизнесом.
— Да я не…неважно.
Вдруг загремели фанфары, и на высокую сцену вышел ректор. Громко прокашлявшись и ловко уклонившись от летящей струи шампанского, он начал речь:
— Дорогие выпускники! Сегодня вы стоите на пороге новой жизни…
— А вы стоите на пороге пенсии, товарищ ректор! — донёсся голос из толпы и в мужчину полетел сапог. Ректор поймал его, внимательно осмотрел.
— Товарищ Колобаев, мы прекрасно понимаем ваши чувства. Но вы сами виноваты: нечего было заваливать экзамены по девяти из десяти возможных дисциплин. Удачной вам службы! И забирайте свою…юность в сапогах! — он кинул сапог обратно. — А всех остальных с выпуском! Сейчас я раздам дипломы…
Он начал раздавать дипломы:
— Иванов, это вам за прилежное обучение; Сычёв — за усердие; Енотова — за… прекрасные результаты на экзаменах.
Тут рукав Тимофея кто-то дёрнул. Он обернулся и увидел Валееву — девушку с соседнего курса фигурного катания шаров в бильярде. Это была девушка его мечты, которую он видел во снах, с которой всегда желал поближе познакомиться, а она вечно предпочитала погруженных в книги ботаников.
— Д-да? — нервно сглотнул Тимофей.
— Мы же сегодня последний день учимся, — замялась девушка, — и я всегда хотела сказать тебе…
Её слова заглушил хор Карима и учителя по введению в спонтанность, у которого тот периодически выигрывал зачёты через бутылку сидра и партию в нарды. Обнявшись, они танцевали чечётку и пели:
— **ОПАНА, ТУТ НАЛИВАЮТ,**
СЕЙ БАНКЕТ ПО НРАВУ НАМ,
ВЗЯЛ ЗАЧЁТЫ, Я ВЗЯЛ БАЛЛЫ,
НО ВСЁ ЭТО…
— Лучше будет сделать так, — рассмеялась Валеева, а в следующую секунду запечатлела на губах Тимофея поцелуй.
Дальше всё закружилось, как в тумане. Шумные танцы в ресторане, ожесточённый бой преподавателей физкультуры и основ механизации образования, неумелые попытки студентов-технарей запустить фейерверки. Выпускники филфака тоже отличились и прочли хвалебные стихи о ректоре, с которых тот прослезился и в порыве чувств вернул из отчисления два десятка студентов. Были и песни иноагентов под гитару, и гонки тараканов… Пришёл Тимофей в себя под утро — когда профессор биологии пытался впихнуть ему в руку огромного жужжащего шмеля.
— Не буду… — вяло отбивался Тимофей.
— Бери, не будь лентяем! Это твоя работа!
— Не буду… Я не пасечник, я специалист по рекламе и связям с общественностью…

— **ДА БЕРИ ТЫ!** — закричал профессор, и всё вокруг начало меняться. Роскошный ресторан хирел, сжимался, штукатурка сыпалась.
— **ВОЗЬМИ СВОЙ ТЕЛЕФОН В РУКИ, СЫН ТАРАКАНА!** — орал Карим, сосед по комнате.
Очарование грёз спало. Скученная комната в общежитии: четыре студента, два из которых не ходили в душ несколько месяцев, а ещё два — Тимофей и Карим — были вынуждены с этим мириться, ржавая табличка на двери с надписью «Первокурсники ленивые, 4 шт.».
— Тебе уже второй раз начальник звонит! Говорит, чтобы ты перестал прогуливать вечернюю смену и живо бежал в «Вкус Волчка» переворачивать крабсбургеры!
И кричит, что первокурсников у него навалом не только в подвале, но и в запасе, так что тебе живо найдут замену!
«Вот те и шмель», — подумал Тимофей.
— Я тебе уже и рэп включал…
«Вот те и **БАНКЕТ ПО НРАВУ**».
— И водой из бачка брызгал…
«Вот те и поцелуй».
— Вот те раз! — Карим отвлёкся и изо всех сил шлёпнул таракана, ползающего по кровати друга.
«Вот те два», — думал Тимофей, чувствуя под собой треск ломающейся кровати.

Без названия

Текст: Артем Пронин
Иллюстрация: Баженова

Удивительные существа — эти дети. Вы спросите: ну почему же «существа»-то? А я отвечу: потому что таких людей, как дети, не бывает.

Вот как-то раз ехал я в электричке в «Университет». Надеюсь, вы правильно прочитали: надо прямо так, пафосно, вслух, как важные генералы говорят — «У-нивер-си-теТ». Места все заняли, пришлось недовольно топать ножкой в тамбуре. В этом же тамбуре со мной стояла семья: мама с коляской, девочка лет семи и мальчик лет пяти. И он как начнёт на весь вагон кричать: «Сейчас вырасту и ресторан открою с кальмарами, мидиями, крабами!». Мама, естественно, стала затыкать бедолагу: мол, не кричи, люди на работу едут. А он всё не унимался: «Сестра, ты будешь официанткой, а мама — поваром». Тут уж сестра не выдержала:

— А ты кем будешь?

— Я? — мальчуган призадумался. — Командовать буду и с гостями общаться.

Здесь, конечно, уже я расплылся в улыбке: как он их уделал, ну «гэрой»! Мне всегда так дедушка говорил — так протяжно и пафосно: «Ну, гэрррой!». Хороший парнишка, и я когда-то таким был.

Помню, в детском саду, дабы накормить простой люд, украл я из дома луковицу, прям с грядки вырвал, здоровую такую, размером с два кулака, сунул в карман и незаметно пронёс в детский сад. А когда нас погулять выпустили, стал я суп всем делать: у нас кулер с водой был, так я крошил в воду лук и наслаждался сим творением. Меня, конечно, быстро сдали, наказали, отругали, отобрали несчастную луковицу и уже на настоящий суп отправили. А кто сдал, как вы думаете? Ну, конечно, Настя. Была такая в нашем саду Настя, грациозно так шагала, как газель. Тут опять надо правильно произнести, чтобы почувствовать: «хгозелллъ», придётся похрипеть, или как курица — тут с какой стороны посмотреть. Так вот, эта Настя всегда звала меня на всякие сомнительные авантюры.

Однажды говорит:

— Давай клад зароем.

— Клад? — удивлюсь.

— Да, клад зароем в песочнице, мою косметичку.

А, как вы знаете, мужское сердце, даже самое маленькое, не может отказать женскому, даже самому маленькому. Отправились мы с лопатками в песочницу и похоронили розовую косметичку. А уже под вечер, когда пришла её мама… ух, что там было! Как начнёт меня бранить: и что я негодяй, и что враг народа, и вообще таких, как я, в интернат надо. А я смотрел на неё и думал: у неё такие чёрные-чёрные волнистые волосы и такие чёрные-чёрные злые глазки. Её понять можно: девочки ахинею предлагать не могут. В общем, досталось мне по полной.

Короче, сколотил я себе авторитет бандита, так оно и продолжалось. Был, значит, у нас самый старший парнишка — Сашкой звали. Как-то раз пронёс он в сад зажигалку. Ну, думаю, приплыли, вот он — свет человеческого разума, «огонь!». Сашка имел огромное значение для нашей детской общины, так, как только у него был телефон. Поэтому вместо того, чтобы играть с куклами и машинками, мы все обращались к Саше как к мессии, облепляли его со всех сторон и наслаждались непониманием происходящего.

Так вот, этот Саша, как Прометей, принёс нам огонь. Естественно, высшие Боги в лице воспитательниц не допустили бы огня в нашем тесном кругу, потому источник огня был спрятан как можно глубже. На улице же Прометей, я и ещё один наш товарищ отправились в кусты. И что, вы думаете, мы первым подожгли? Не, не траву и даже не ветки.

Первым делом мы стали бороться со всем человеческим и прожгли дырку в футболке Саши. Когда же мы вернулись в сад, естественно, виноватым выставили меня. Ну а что, криминальное прошлое у меня было, значит, всё сходится. Вот так и живи в детской общине.

Разноцветные листья

Текст: Яся Гарбузова
Иллюстрация: Баженова

Выступают вместо слез
на лице осени.
В чаше полной,
в чаще полной
промёрзших берёз
кого-то попросим мы,
кто о чём:
кто-то попросит,
чтобы закончились ливни осенние
и весна мимолётная,
зиму минуя,
поселилась в замёрзшем взгляде.
Кто-то попросит о вечном забвении,
чтобы вновь перелётная
птица вернулась назад
и одарила больную
душу рассветом.

Я ж ни о чём не прошу,
кроме камушка,
что можно найти в реке,
который я буду вертеть в руке,
думая:
«Как хорошо,
что я дышу.
Как хорошо,
как хорошо…»

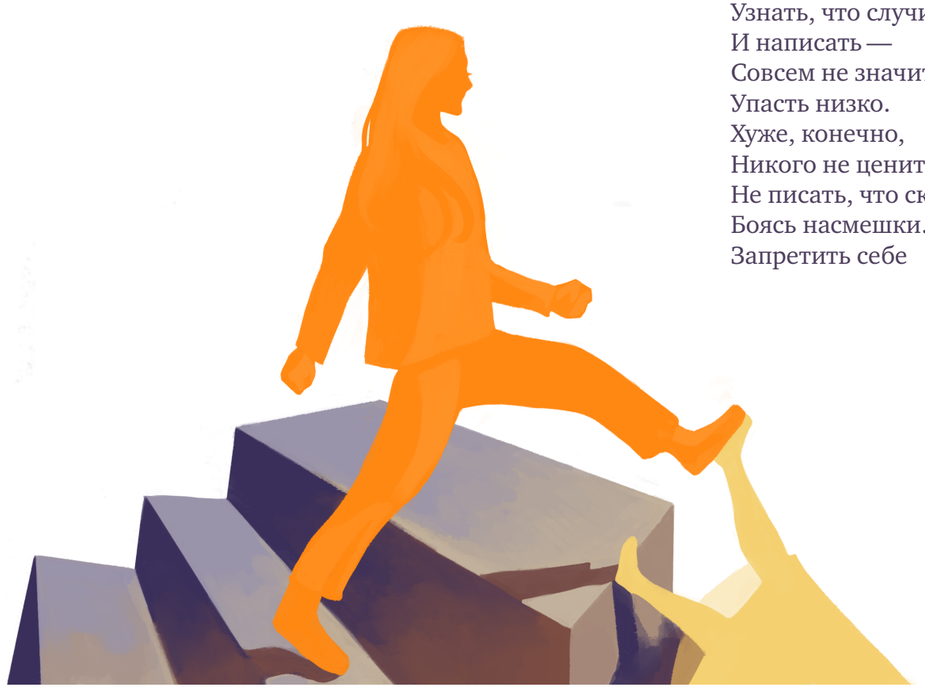

Впервые преодолеваю…

Текст: София Иванова
Иллюстрация: Полина Катаева

Впервые преодолеваю
Свою гордость.
Спрашиваю,
Когда сама хочу
Быть услышанной.
Не рублю с плеча,
Не кричу сгоряча,
И запрещаю себе
Тратить время
На обиды.
Можно говорить,
А не молчать,
Крутясь вокруг
Больных мыслей.
Узнать, что случилось
И написать —
Совсем не значит —
Упасть низко.
Хуже, конечно,
Никого не ценить
Не писать, что скучаю,
Боясь насмешки.
Запретить себе
Доверять и любить
И свободно болтать,
Как и делала прежде.
Мне теперь
Многое видно:
Рассвет,
Внутренний свет,
Новых дел списки,
Факт, что путь в детство
Навсегда закрыт,
И взрослая я-
Уже совсем близко.

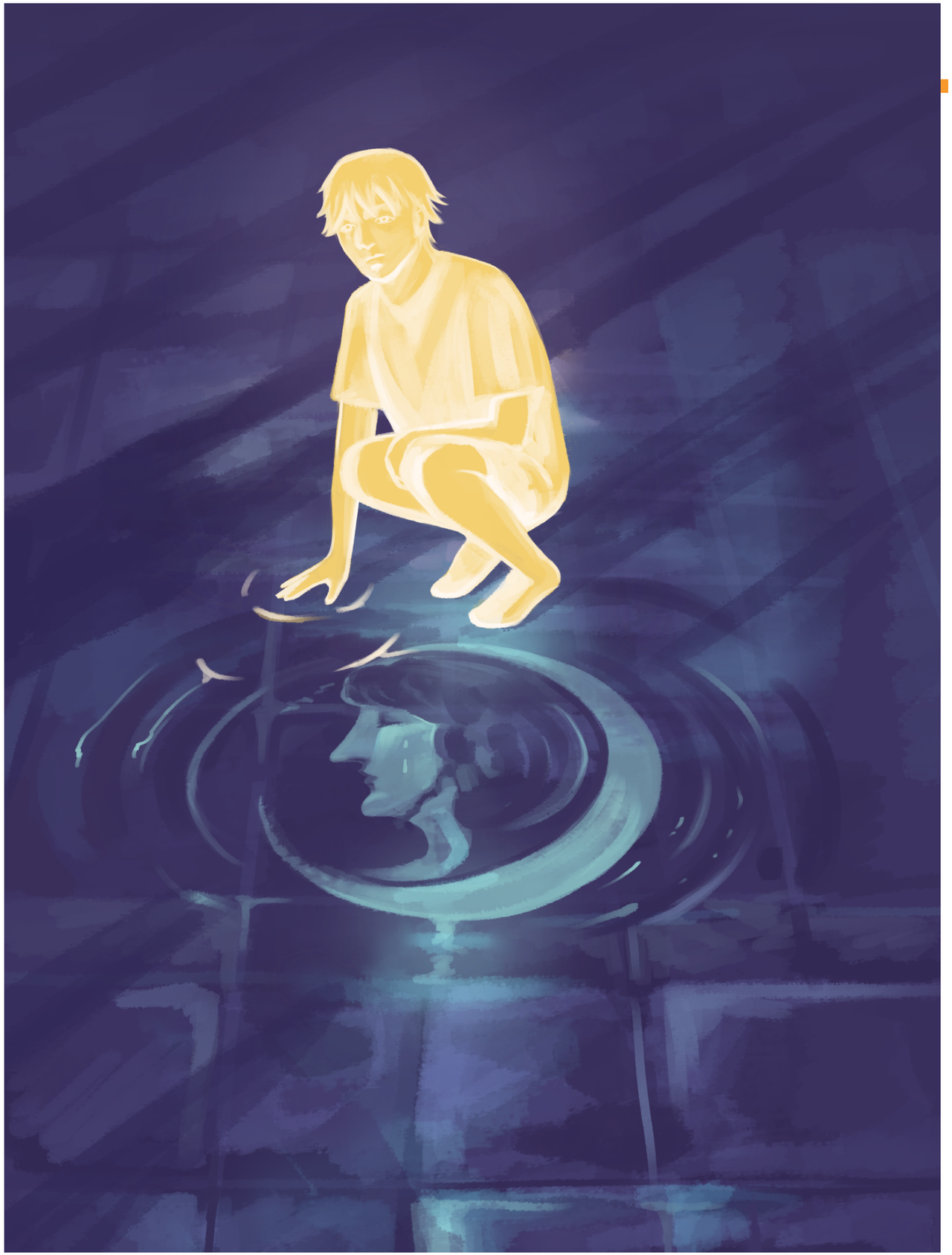
Приземлилась луна...

Текст: Яся Гарбузова
Иллюстрация: Полина Катаева

Приземлилась луна на асфальт,
полный слякоти плохой поэзии.
Улица так людна —
а на небо луну не повесили.
Лежит в темноте она
и тихонько ей умирается,
она и не упирается…
Никто её не заметит,
никто её не найдёт —
разве что дети…
Но известно — ребенок врёт,
говоря, что у старых могил
какой-нибудь стихоплет
тёмной ночью луну зарыл.
Все же знают — ребенок врёт,
говоря про пустое небо,
никогда луна не умрёт —
это же так нелепо!
Взрослые к правде привыкли искренне,
но не привыкли к истине.
Им не видно беззвоздную ночь
своим беззвёздным взглядом.
Гонят мысли прочь —
но мысли рядом.
Мысли пустых строк,
мысли не впрок,
мысли вкривь, вкось и вбок,
знаком у двух дорог
в черной беззвёздной ночи…
Молчи!

Семьдесят два года

Текст: Ярослав Ельцов
Иллюстрация: Баженова

Два года назад ко мне подошел человек и представился смертью. Сначала я не поверил. Вокруг ночь, цвела сирень, и чертовски неудачно встретить смерть весной.
Человек достал счеты из слоновой кости и отчетливо произнес:
— Вам осталось семьдесят два года.
И сразу исчез.
Я бы хотел не поверить или хотя бы сказать вам, что еще некоторое время не верил. Листва шумела от сильного ветра. Но приговор я услышал отчетливо.
Сразу же я начал приготовления. Позвонил всем близким и сообщил, что умру. На вопросы сонные «что случилось?» отвечал, что умру через 72 года. Мой старший брат догадался спросить:
— Алло, я умру.
— Когда?
— Через 72 года.
— А что так долго?
Потом мы посмеялись. Все посмеялись.
В первую очередь я заперся дома и нашел сервис по доставке питьевой воды машинами. В каждой машине две тысячи литров.
Семьдесят два года, сколько мне осталось, я вам напомню, это двадцать тысяч дней. Человек в среднем выпивает три литра в день. У меня ушел месяц, чтобы выпить тридцать восемь машин воды. С того момента я ни разу не пил, мне больше незачем.
С едой оказалось гораздо проще. К сложному мы еще перейдем, но тем, как изящно я решил проблему с приемом пищи, горжусь до одурения. В лаборатории, где работает мой друг лаборатории, я украл полграмма урановой руды. Аккуратно все посчитал и нашел, что в ней 50 миллионов калорий. Именно столько нужно мне на оставшуюся жизнь.
Я убрался в квартире три тысячи раз, ударился об шкаф тысячу. Дважды сломал руку. Ампутировал несколько пальцев и заменил имплантами. Человек этого не сказал, но я отчетливо знаю, лучше сделать все заранее и не ждать, пока поезд сам наедет мне на ногу.
Я расстался с девушкой. Поссорился и помирился с родителями двадцать семь раз. Оплакал их и каждого друга заранее. Нашел девушку. Женился, развелся, отложил ей пачку с алиментами на все 18 лет. Но всё это чушь, всё это легко. Легко дружить сейчас, чтобы не дружить потом. И даже пробежать два километра, чтобы не бегать следующие семьдесят два года, было легко.

Но я никак не могу быстро избавиться от необходимости спать. Мне придется лечь сегодня, и проснусь я через двадцать лет. Поначалу меня пугал такой долгий срок, но я твердо знал, что должен всё успеть. Жизнь короткая, и я должен стараться сейчас.
Купил домик в лесу. Через десять минут откроется вокзал и пойдет первая электричка. Я остановился в парке. Из динамиков играют трели птиц. Засчитаются ли они как послушанные?
Но я не могу быть спокоен, даже зная, что всё делаю правильно. Меня мучит страшная мысль. Пытаясь отбросить, я только ее приближаю. И с каждым вздохом она становится все отчетливее. Я дышу как можно быстрей, но никак не смогу надышаться за все семьдесят лет.
Текст: Анна Остроумова (есть иллюстрации две)
«Как хорошо уметь читать!»
Когда я полюбила читать, я ходила гордая: я ведь маленькая, а уже полюбила читать!
Я пришла на площадку с бабушкой. Бабушка ещё не знала, что я полюбила читать.
Я захотела её обрадовать. Заглянула под горку и нашла какие-то надписи.
Ко мне подошёл маленький мальчик:
— Давай в догонялки?
Я усмехнулась.
— Не, у меня дело. Почитать хочу.
Мальчик с уважением отошёл.
— Вася любит Катю! — громко прочитала я.
Бабушка обернулась.
— Коля любит Вику! Дима любит Жанну!
Бабушка улыбнулась.
— Максим любит Олю! — меня распирало от гордости.
Ко мне опять подошёл мальчик.
— Максим любит Олю! — повторил он.
— Зачем повторяешь? — возмутилась я.
— Я тоже почитать хочу.
Ладно! Всё равно понятно, что это я читаю.
— Ваня любит Лену…
— Ваня любит Лену… — важно повторил мальчик.
Меня слушала вся площадка!
Тогда я выбрала самую большую надпись!
В этот раз слова были непонятные. Хотя я всё правильно говорила.
Бабушка подскочила и вытащила меня из-под горки.
Жалко! Там было столько интересного!
«Дедушка приехал» (есть иллюстрация)
Мама поехала к зубному. А к нам приехал дедушка. Ленка радостно прыгала и улыбалась. Улыбается Ленка, как Бармалей: показывает зубы, морщится и прищуривается.

Я сама почистила зубы, а дедушка стал чистить зубы Ленке. Он положил на щётку не ту пасту и засунул щётку в рот. Ленка сказала: «Язычок больно», — и заплакала. Дедушка вытащил щётку изо рта и заругался на меня: «Необязательно это всё делать!»

«Ты что, хочешь, чтобы твои зубы микробы съели?» — спросила я. Ленка положила голову на табуретку и заорала на всю квартиру, потому что она этого не хотела. Я выдавила на щётку правильную пасту и спокойно почистила Ленке зубы.

Я быстрее всех оделась на прогулку. Дедушка надевал Ленке варежки. Руки в варежки не впихивались. Ленка всхлипывала, что пальчик не попал в варежку.

«Эти варежки, видишь, не лезут?» — говорил дедушка. И кидал варежки на пол.

Я держала дверь десять минут. Наконец дедушка надел на правую руку варежку и дал Ленке лопату. На левой варежке палец не попал куда надо, и мы оставили это так.

Мы нашли во дворе подходящий сугроб около дерева. Я стала насыпать на него снег, чтобы горка была побольше.

Дедушка сказал Ленке: «Да в этой горке даже метра нет. Пойдём лучше там покатаемся». И показал на пластмассовую детскую горку. Ленка повернулась к дедушке спиной и сказала: «Я помогать Ане буду». И мы начали вместе насыпать на горку снег. Дедушка посмотрел на нас и сказал: «Дай я побросаю».

